

СКРИПАЧ С ЛОПАТОЮ В РУКАХ

Фамилия “Скрипкин” влечет за собой определенный образ: худенький мальчик со скрипкой виртуозно выводит печальный мотив, стоя около распахнутого окна. И грустит он от того, что на улице — зеленая лужайка и его беззаботные друзья играют в футбол...

Анатолий Степанович Скрипкин, заведующий кафедрой археологии, древней и средневековой истории ВолГУ, внешне совсем не похож на юного музыканта. Он — крепкий мужчина лет пятидесяти на вид, с загорелым (даже после зимы!) лицом и внимательными глазами. В свое время получил первый разряд по футболу, занимался велоспортом, охотой, зимней и летней рыбалкой... Но в то же время наш сегодняшний герой первым из волгоградских археологов получил ученую степень кандидата (а потом и доктора) исторических наук. Он — член Координационного совета по проблемам истории и культуры сарматов при Институте археологии РАН и член секции археологии Высшей комиссии по охране и учету культурного и исторического наследия при Министерстве культуры РФ. К Анатолию Степановичу я пришла накануне Международного дня памятников и исторических мест, который отмечается 18 апреля. И, естественно, первый вопрос

мой звучал примерно так: ***“Каким образом можно охранять памятники? Ведь к каждому не приставишь по караулу? А в то же время несколько лет назад было модным крушить монументы Ленину и закрашивать их краской”.***

— Да, действительно, к каждому памятнику не приставишь охрану. Но федеральный закон “О защите памятников и исторических мест” никто не отменял, более того, сейчас областной думой также решается вопрос, каким образом обеспечить охрану исторических объектов. В Управлении культуры при администрации Волгоградской области работает научно-производственный центр, который обязан охранять памятники и вести их учет. Но в его штате всего три человека, на весь регион это ничтожно мало. Нужна разветвленная сеть таких отделов — хорошо, если бы они были при каждой районной администрации. А пока... Многое ведь зависит от культуры поведения — монументы Ленину не стоит крушить, даже если вы не разделяете его “точки зрения”. Это обыкновенный вандализм, и он должен быть наказан в административном порядке.

— Ваш собственный взгляд на историю сильно поменялся по сравнению с советскими временами?

— Тогда на любую науку очень влияла идеология. Археология также была подвержена идеологическому прессу, но не в самой большой мере. Все-таки можно было держать свою линию. Занимаясь чисто научной археологией, я не испытал каких-то сильных давлений. Но сейчас, когда идеологические шоры сняты, я чувствую себя более свободным в выборе мнения.

— Как вы считаете, наша область по сравнению с другими регионами

России очень богата на различные памятники, архитектурные сооружения?

— Не то чтобы очень богата, но насыщена основательно. Люди ведь здесь обитают с каменного века. Возраст наиболее древних курганов в нашем регионе датируется четвертым десятилетием до нашей эры, самые поздние относятся к XV веку нашего времени.

История у нас прямо под ногами — ведь древний курган может быть высотой 10—15 сантиметров, вы просто пройдете мимо него и не заметите. Очень жаль только, что от незнания или от нежелания узнать погребено под “спальными” районами множество уникальных мест. Курганы рушатся, уходят в воду — их размывают Цимлянское и Волжское водохранилища.

— Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов вообще запретил вести любые археологические раскопки на территории страны...

— Но это не совсем верно. Я, как и многие другие археологи, считаю, что не следует заниматься сохранившимися историческими объектами, а вот исследовать разрушающиеся археологические памятники просто необходимо. Те курганы, которым ничего не угрожает, могут простоять еще и сто, и двести, и триста лет — нужно ведь думать о будущих поколениях.

— А о нас, своих предках, они подумают?

— Конечно. Я уверен почти на 100 %, что наши кости тоже будут кому-нибудь интересны. К тому же, думаю, ученые изобретут наиболее щадящий метод раскопок. Ведь даже профессиональные археологи уничтожают часть информации, не говоря уже о “черных”, после которых проводить исследование места очень сложно.

— А что, существует общепринятый метод исследования археологических объектов?

— Да, и он выработывался веками. Археологические памятники нельзя делить с позиции ценности. Был в XIX веке такой археолог, который занимался одной проблемой — откапывал все, что его интересует, остальное выкидывал в “отвал”. Археологический памятник может быть многослойным, к примеру, содержать в себе информацию от средневековья до каменного века. Археолог должен исследовать каждый слой, а не только тот, который его интересует.

— Некоторых “археологов” интересуют только деньги, вырученные за артефакты. Таких гробокопателей в народе называют “черными археологами”, как мы уже с вами говорили. Что с ними делать — отстреливать или организовывать?

— Не то и не другое. Их нужно не допускать к раскопкам. Следить за деятельностью антикварных магазинов — а то ведь там принимают все, что ни попадя. А вещь, вырванная из исторического контекста, не несет никакой информации и ценности. Она превращается в безделушку. После деятельности “черных археологов” остаются перерытое поле и “убитые”, исковерканные уникальные места.

— Я знаю, что ваши студенты уж точно никогда не станут “черными археологами”. Позвольте сделать комплимент вашей кафедре — очень хорошие и увлеченные преподаватели. Слышала, у вас даже есть персональная стипендия для особо отличившихся студентов. Ее получают отличники?

— Человек должен не только успешно сдавать сессию, но и ездить на раскопки, заниматься практической археологией.

— А экспедиции студенты оплачивают из своего кармана?

— Нет, наши поездки финансирует университет. Ведь нужно оплатить

транспортные расходы, иногда приходится нанимать машину до самого места раскопок: с собой снаряжение, оборудование. Все это весит порядочно.

— А девушек-археологов много?

— На нашем отделении учатся и девушки и парни примерно в одинаковых «пропорциях». И независимо от половой принадлежности из человека может получиться хороший археолог, а может не получиться. Все решает практическая работа.

— Чтобы быть археологом, наверное, нужно иметь недюжинную физическую силу. Вы, судя по всему, не одну лопату земли за свою жизнь перевернули.

— Главное все-таки — голова. Нужно не просто копать, а с умом, иначе можно вырыть огромный котлован и ничего не найти.

— А над какой проблемой вы сейчас работаете?

— Последние пять лет большинство наших экспедиций посвящено исследованиям крупнейшего в Нижнем Поволжье и Подонье археологического памятника, который расположен на территории национального парка «Малая излучина Дона». Раскопки за это время продвигались параллельно с многочисленными почвенными и химическими анализами и аналитической работой. За пять лет были проведены исследования почвы, электромагнитные исследования, радиоуглеродный анализ образцов породы и шлака, заложены шурфы, проходящие сквозь все сооружение. Шурфы дают стратиграфию (представление о том, как возводилось это сооружение).

Масштабы памятника с самого начала были поразительны: это была круглая площадка диаметром сто метров, везде наблюдались признаки сильного горения. Грунт местами спекся до стекловидного состояния, уголь окаменел. Химические анализы образцов показали, что данное сооружение не являлось доменной печью для выплавки железа, а его размеры отвергают возможность использования его для приготовления древесного угля.

— Если это не огромная печь для хозяйственных нужд, то, может быть, это культовое сооружение?

— Совершенно верно, и уходит оно своими корнями в индоиранскую общность. Некоторые детали конструкции сооружения соответствуют канонам возведения алтаря, который описан в древнеиндийской литературе.

Как показали наши исследования, сооружение комплекса у станицы Трехостровской началось с рытья котлована, который затем был залит жидким раствором глины. Во всем этом заложена идея, по которой священный огонь не должен гореть на естественной поверхности земли, между огнем и землей должен быть алтарь. Теперь уже вполне очевидно, что исследуемое сооружение связано с культом огня и теми представлениями, которые этот культ отражает: действие огня обновляет мир и приводит к возрождению новой жизни.

Для мышления древнего человека было характерно циклическое восприятие времени — каждый цикл начинался с возрождения, а завершался апокалиптическим событием: потопом или мировым пожаром, после чего начинался новый цикл. Скорее всего, именно поэтому очаг огня в центре Трехостровского святилища когда-то был потушен и началось возведение насыпи. Поверхность насыпи была покрыта известняковой щебенкой белого цвета (белый цвет — символ совершенства и святости в Индии). Возможно, сооружение насыпи и придание ей белого цвета символизировало завершение акта борьбы добра со злом, ознаменовавшегося победой добра. Придание святилищу формы холма связано с представлениями о Мировой горе, или Мировом центре.

Место у станицы Трехостровской для возведения святилища было выбрано древними жрецами. Их миссия — определить Центр мира и в это место вбить кол, на

который потом возлагался первый камень. Считалось, что кол вбит в голову дракона, поддерживающего мир.

Но можно также предположить, что возведение этого святилища было связано с практическими целями. Например, для закрепления какой-либо группой населения за собой определенной территории.

— Очень интересно! Вот так, действительно, ходишь по родной земле и не знаешь, что под ногами — столько информации.

— Да, на территории нашей области более ста тысяч археологических памятников. Сколько на всей планете? Вот на этот вопрос затрудняюсь ответить. Но скажу обязательно при следующей встрече — археологи всего мира общаются между собой очень тесно, у нас даже есть свой собственный день археолога, который не помечен ни в одном календаре — 15 августа. Профессиональный праздник начали отмечать наши российские ученые, а зарубежные коллеги подхватили идею.

— Как проходит посвящение в археологи молодых ученых?

— У разных групп по-разному. Часто это — символический удар лопатой по спине. Но любое посвящение заканчивается застольем, потому что голодный археолог работать будет плохо.

P.S. А все-таки Анатолий Степанович внутренне очень похож на романтического скрипача. Потому что археолог не может не быть романтиком.

Елена ДАНИЛИНА.
18.04.2003